

Евгений ДЕМЕНОК

Футбольные страсти

Футбол — тема для одесских писателей особенная.

Это неудивительно — именно в Одессе появился первый в Российской империи футбольный клуб. В 1878 году англичане, жившие в Одессе, организовали Одесское британское атлетическое общество (ОБАО). Атлеты играли в крикет и теннис, но была в рамках Общества и футбольная секция. В 1907 году по инициативе генерального консула Великобритании в Одессе и по совместительству азартного футболиста Чарльза Смита был основан легендарный ОБАК — Одесский британский атлетический клуб. Первое время членами клуба были только британско-подданные и граждане США, но вскоре туда стали принимать и граждан других стран. Например, великий лётчик Сергей Уточкин, который был прекрасным футболистом, тоже играл за ОБАК.

Стадион ОБАКа находился вблизи нынешнего Французского бульвара, сейчас на его месте — корпус биологического факультета Одесского Национального университета. Стадион был лучшим в Одессе — именно он был выбран для проведения финала чемпионата Российской империи в 1913 году.

Футбол в Одессе развивался стремительно, а увлечение им среди гимназистов и молодых людей было всепоглощающим. В 1911 году была учреждена Одесская футбольная лига, просуществовавшая до 1919 года. Её организаторами стали сильнейшие одесские футбольные клубы: ОБАК, "О.К.Ф. Одесса", "Спортинг-клуб" и "Шереметьевский кружок спорта".

Зарождение футбола в Одессе шло параллельно с зарождением той самой литературной школы, которую Виктор Шкловский называет в 1933 году "Юго-Западом", сославшись на вышедший в 1928 году сборник одного из поэтических лидеров школы, Эдуарда Багрицкого. Поэтому вовсе не удивительно, что многие ставшие вскоре знаменитыми на всю страну авторы, а тогда ещё — просто гимназисты, в футбол играли и футболом увлекались.

Условно говоря, всех литераторов "Юго-Запада" можно разделить на игроков и болельщиков. Игроки — это, в первую очередь, Юрий Олеша и Александр Козачинский. Болельщики — Илья Ильф и Евгений Петров, Валентин Катаев, Эдуард Багрицкий. И все они, конечно же, о футболе писали.

Помимо профессиональных клубов в городе было множество гимназических команд и самодеятельных клубов. Александр Козачинский в "Зелёном фургоне" написал об одном из таких клубов, "черноморцах":

"Ваша карточка мне знакома, — сказал парень учтиво, прикасаясь двумя пальцами к кепке. — Не запомню только, из какого она альбома.

— Мы знакомы по Чёрному морю, — ответил Володя.

Они были знакомы не по тому Чёрному морю, которое омывает полуостров Крым, побережье Кавказа, Малую Азию, Болгарию, Румынию и южный край украинской степи, а по тому "Чёрному морю", которое находилось в ста шагах от Марзливой, за низеньким, уступчатым заборчиком Александровского парка и представляло собой большую, почти круглую яму с пологими склонами и ровным сухим дном. "Чёрным морем" с незапамятных времен владела команда футболистов, именовавших себя черноморцами. Как футбольное поле "Чёрное море" было необыкновенно комфортабельным: окруженное пологими склонами, оно само возвращало игрокам мяч, вылетевший за его пределы. В команде черноморцев играли портовые парни, молодые рыбаки с Ланжерона и жители старой таможни. Они выходили на поле в полосатых матросских тельниках и длинных, достигавших колен, старомодных трусиках, которые, впрочем, назывались тогда в Одессе не трусиками, а штанчиками. В своем натиске черноморцы не знали преград. Свирепая слава, добытая ими на заре футбола, в боях с командами английских пароходов, устрашала футболистов других одесских команд. Никто из цивилизованных футболистов Одессы не решался ставить на карту спортивное счастье, здоровье, а может быть, и жизнь, защищая свои ворота против черноморцев. Поэтому с той поры, как в Одесский порт перестали заходить английские пароходы, черноморцы играли главным образом друг с другом.

Володя был из "Азовского моря". Рядом с "Чёрным морем" была яма поменьше, которую одесские мальчишки называли "Азовским морем". Здесь тренировалась команда гимназистов. Как это ни странно, черноморцы иногда приглашали на товарищеский матч команду из соседнего "морья", и гимназисты принимали вызов. Это была игра львов с котятками. Если гимназистам не откусывали в игре ни ног, ни голов, то они были обязаны этим той деликатности, которая присуща

сильному в обращении со слабым и беспомощным".

То самое "Чёрное море" располагалось когда-то на месте нынешнего Зелёного театра в нынешнем парке имени Шевченко — тогдашнем Александровском. А историю его рассказал Валентин Катаев в своём замечательном рассказе "Встреча":

"Отцы города с педагогической целью ознакомить население с отечественной географией придумали соорудить небольшой пруд в форме Чёрного моря. В точном соответствии с картой выкопали калошеобразную яму... Хрупкий бюджет муниципалитета... не выдержал дальнейших трат. Чёрное море так и осталось на вечные времена необлицованным и сухим...".

В феврале 1911 года состоялись первые матчи первого чемпионата Одессы, а спустя два года, в 1913-м, именно команда Одессы стала победительницей второго чемпионата Российской империи по футболу — в полуфинале одесситы разгромили харьковчан, а в финале, который состоялся на поле ОБАКа в Одессе, обыграли команду Санкт-Петербурга. В первом чемпионате одесситы не принимали участие, а если бы приняли, непременно выиграли бы и его.

Героями того финального матча стали Григорий Богемский и Эрнест Джекобс. Это был тот самый Богемский, о котором писал Александр Козачинский (помните знаменитую встречу Володи Патрикеева с Красавчиком по пути на Балковскую?):

"На Московской улице они заговорили о том, как мотается знаменитый форвард Богемский, и здесь в их взглядах неожиданно обнаружили столь крупные расхождения, что, при всей снисходительности друг к другу, они вступили в серьёзный спор. Желание доказать свою правоту настолько овладело ими, что они решили наглядно продемонстрировать приём, послуживший причиной спора, и для этого, отыскав подходящий камешек, остановились на перекрестке, отошли на край тротуара, положили камешек на землю и попрыгали вокруг него, воспроизводя приемы Богемского так, как их понимал каждый".

И если бы только Козачинский... О Богемском писали, кажется, все авторы "Юго-Запада". Например, Валентин Катаев в повести "Алмазный мой венец":

"Впрочем, нельзя сказать, что это был ничем не замечательный матч: в нем принимал участие тощий, золотушного вида рихельевец в пенсне на маленьком носике, будущая мировая знаменитость, центрфорвард сборной команды России, как сказали бы теперь — "нападающий века", "суперстар" мирового футбола, Богемский. Но тогда он был лишь старшеческим и, надо сказать, прескверным учеником с порочной улыбочкой на малокровном лице. Его имя до сих пор легенда футбола".

Но, пожалуй, лучше всех описал и Григория Богемского, и одесский футбол Юрий Олеша, сам игравший нападающим в команде Рихельевской гимназии. Фрагменты из "Книги прощания", в которой описан недавно родившийся одесский футбол, хочется перечитывать вновь и вновь:

"Могу сказать, что я видел зарю футбола. <...> Мы шли на поле "Спортинг-клуба", чтобы посмотреть на очередной матч. ...Футбол только начинался. Считалось, что это детская забава. Взрослые не посещали матчей. Только изредка можно было увидеть какого-нибудь господина с зонтиком, и без того уже известного всему городу оригинала. Трибун не было. Какое там трибуны! Само поле не было оборудованным, могло оказаться горбатым, проросшим среди травы полевыми цветами. По бокам стояли скамьи без спинок, просто обыкновенные деревянные плоские скамьи. Большинство зрителей стояли или, особенно по ту сторону ворот, сидели. И что за зрители! Повторяю, мальчишки, подростки. Тем не менее, команды выступали в цветах своих клубов, тем не менее, разыгрывались календарь игр, тем не менее, выпускались иногда даже афиши.

<...> Я ни на что не хочу жаловаться! Я хочу только вспомнить, как стоял Гриша Богемский в белой одежде "Спортинга" (одесский футбольный клуб, капитаном которого был Богемский, — прим. авт.)... Самое удивительное — это всегда меня удивляет, когда я вижу Богемского или о нем думаю, — это то, что он не смуглый, не твердолицый, а, наоборот, скорее, рыхловатой наружности, во всяком случае, он розовый, с кольцами желтоватых волос на лбу, с трудно замечаемыми глазами. Иногда на них даже блестят два кружочка пенсне! И подумай только: этот человек с неспортивной наружностью — такой замечательный спортсмен! Уже помимо того, что он чемпион бега на сто метров, чемпион прыжков в высоту и прыжков с шестом, он

ещё на футбольном поле совершает то, что сделалось легендой. И не только в Одессе — в Петербурге, в Швеции, в Норвегии! Во-первых, бег, во-вторых, удар, в-третьих, умение водить. ...Лучше всех водил Богемский! Не то что лучше всех, а это был выход поистине чемпиона!".

Как интересно переключаются тексты Олеша и Козачинского... "Он не смуглый, не твердолицый..." Совсем не такой, каким Козачинский описывает Красавчика:

"Его бронзовая твердая скула показалась Володе знакомой".
Удивительно.

Юрий Олеша и сам чуть не стал футболистом: "Во время олимпийских игр Одесского учебного округа состоялся также и финальный матч на первенство футбольных гимназических команд, в котором принял участие и я, как один из одиннадцати вышедших в финал одесской Рихельевской гимназии. Я играл крайнего правого. Я загал гол — один из шести, вбитых нами одесской 4-й гимназии, также вышедшей в финал.

После матча меня качали выбежавшие на поле гимназисты разных гимназий. Как видно, моя игра понравилась зрителям. <...> Однако инспектор учебного округа Марданов, царской красоты армянин из воска и чёрной пакли, обратил внимание на то, что этот маленький футболист, то есть я, несколько бледен. Не вредно ли для здоровья играть ему в футбол?"

Через несколько дней в грелке на футбольной площадке меня выслушивал врач. Он сказал, что у меня невроз сердца и играть в футбол нельзя. <...> Этот Марданов сыграл в моей жизни роковую роль, так как из-за него я почувствовал впервые, что есть невозможность, запрет. ...Как много было впереди — даже та сцена, когда... Мало ли, какая сцена была впереди!".

Расцвет одесского футбола был прерван революцией и гражданской войной, которые не пощадили никого. Помните — в "Зелёном фургоне" у Козачинского:

"Но уже давно не летал футбольный мяч над "Чёрным морем" и примыкающим к нему "Азовским". Обезлюдено славное племя черноморцев, и некому было вспоминать о боях с командами английских пароходов. Раньше, когда старшие черноморцы уходили учиться в мореходку или поступали в торговый флот, их места в команде занимали молодые черноморцы, их младшие братья, ребята с Ланжерона, из старой таможни и портовых улиц, такие же загорелые и веснушчатые, такие же свирепые в нападении, защите и полузащите. Поколение футболистов становилось моряками, но за ними уже шло новое поколение футболистов, тоже будущих моряков.

Война разбросала черноморцев, уничтожила футбол, мореходку и торговый флот. Опустело "Чёрное море". Засохшая грязь на дне его потрескалась и покрылась чешуйками, как кожа на руке старика".

Григорий Богемский с 1923 года играл в футбольных клубах Чехословакии — сначала в команде "Русь", а в 1923 — 1927 годах — в команде "Виктория Жижков" в Праге, которая стала чемпионом Чехословакии в сезоне 1927/1928 годов.

Сам Козачинский после ареста и суда оказался в ДОПРе — доме принудительных работ, где и начал свою литературную карьеру. Первые его статьи и очерки были опубликованы в допрозных изданиях "Голос заключённого" и "Жизнь заключённого". Помимо литературной в ДОПРе кипела и футбольная жизнь. Когда слухи о талантливом журналисте распространились по городу, Сергей Бондарин и Эдуард Багрицкий вместе с именитыми московскими гостями Михаилом Светловым и Михаилом Голыным отправились в ДОПР, чтобы увидеть Козачинского. И застали его... играющим в футбол. Вот как описал эту встречу в своём очерке "Воспоминания не безмолвны" Сергей Бондарин:

"Однажды Багрицкий всех нас поразил новостью. Стало известно, что в ДОПРе (дом принудительных работ — так называлась тогда тюрьма) содержится в заключении молодой разбойник — такой же, каким был герой одноименной повести Леонида Андреева Сашка Жигулёв. И этот молодой разбойник по имени Сашка тоже рыцарски выступал в защиту бедных, униженных и оскорбленных, грабил богатых, кулаков и награбленное отдавал неимущим, даже якобы спускал под откос поезда. Образ доброжелательного разбойника овладел нашим воображением. А как же это заманчиво, интересно — показать такого разбойника москвичам! Говорили, что он — паренёк из одесского Александровского парка, другие — с Молдаванки, но и те, и другие утверждали, что Сашка, кроме всего, сочиняет ещё и стихи и песни.

Нужно сказать, что одесская тюрьма тоже была как бы городской достопримечательностью, вроде Приморского бульвара, "Привоза" или Оперного театра.

<...> И вот на самом деле мы добились разрешения посетить ДОПР, не так уж было это и трудно — добивались и не того.

<...> Солнце опять хлынуло нам в глаза. Щебетали птицы. Над нами синело небо, и оттуда нам улыбнулось облачко. Неподдалеку на зелёной травянистой лужайке молодые люди играли в футбол. Начальник оглядел футболистов и вдруг закричал:

— Лучше по левому краю! Саша, прорывайся по левому краю, мотай!.. Вот Саша Козачинский — не хуже Богемского, — обратился он к нам. — С мячом. Форвард... Бей, Саша!

— Гол! Гол! — закричали на лужайке.

— Саша! Молодец! — закричал начальник ДОПРа. — Гол! Иди, Сашка, сюда.

Форвард, только что забивший гол, уже бежал к нам, раздумывавшийся. Это был мальчик лет шестнадцати с милым светлым чубчиком.

— Здравствуйте! — приветливо воскликнул он. — Видели, как обошёл! Здорово, а? — Можно было шутовать раньше, — заметил начальник, — с левой ноги. Ты с левой бьёшь?

— Бью, но хуже.

— Нет, всё-таки здорово, — заметил Багрицкий, — здорово, хотя и не с левой ноги. Богемского и я помню.

— А с какой ногой вы встаёте? — спросил форварда Миша Светлов.

Саша Козачинский усмехнулся.

Начальник ДОПРа не считал нужным представлять нас Саше Козачинскому, лучшему форварду ДОПРа, будущему москвичу, писателю, автору превосходной повести "Зелёный фургон".

Почему же ДОПР и ореол романтического разбойника? Как это случилось?

— Занимался чёрт знает чем, вот и случилось, — смущенно отвечал он и зафутболил камешком — совсем так, как позже описал он сцену встречи Красавчика, юного неуловимого бандита, с гонящимся за ним агентом угрозыска".

Кстати, привычная легенда гласит о том, что Козачинский в "Зелёном фургоне" вывел в образе Володи Патрикеева своего друга Евгения Петрова, а самого себя изобразил в роли Красавчика. Что были они друзьями детства, жили на одной улице, в соседних домах, сидели в гимназии за одной партией, вместе играли в футбол. После пути их разошлись — Петров стал милиционером, Козачинский — бандитом. Именно Петров возглавил охоту на "Красавчика", не подозревая, что это его ближайший друг, и, в конце концов, лично задержал его. Козачинский хотел было застрелить задержавшего его милиционера, но внезапно узнал друга и опустил оружие. Потом Петров писал многочисленные ходатайства с просьбой отпустить или смягчить наказание Козачинскому и, в конце концов, добился своего. Сразу после освобождения Козачинского Петров пригласил его в Москву, где они и стали работать в одной газете, а позже настоячиво рекомендовал описать свои приключения в книге.

На самом деле правды в этом немного. Они действительно жили на одной улице — Базарной, но в разное время. Учились в разных гимназиях: Петров — в 5-й, Козачинский — в 3-й. Познакомились уже во время службы обоим в милиции. Ну а в повести и Красавчику, и Володьке Патрикееву Козачинский придал в основном свои же собственные черты.

И, конечно же, никаких "футбольных" контактов у Козачинского с Петровым не было. О футбольных успехах Петрова вообще нет никаких сведений. Скорее всего, их и не могло быть, ведь Валентин Катаев, писавший в "Разбитой жизни, или Волшебном рого Оберона" о том, что "футболиста из меня не вышло", писал также и о том, что отец категорически отказался покупать ему футбольную форму. Вряд ли отец купил её для младшего сына. Да и сам Петров с Ильфом в фельетоне "Честное сердце болельщика" писали о том, что "одного не умеет болельщик — играть в футбол".

И, тем не менее, о футболе писали все — и игроки, и болельщики. Помимо "Честного сердца болельщика" перу Ильфа и Петрова принадлежит замечательный рассказ "Любители футбола", а в "Одноэтажной Америке" описанию американского футбола посвящена целая глава. Валентин Катаев писал о футболе многократно — не только в "Волшебном рого Оберона", но и в повести "Алмазный мой венец". Эдуард Багрицкий, днями пропадавший на стадионе, написал даже "Гимн черноморцев", в котором были такие строки:

Походим мы на диких горцев,

Наряд незатейлив и прост.

Но важны для нас, черноморцев,

Отвага, осанка и рост!

В период расцвета одесской литературной школы стала расхожей фраза: "Чтобы стать литератором, надо родиться в Одессе". "Чтобы родиться в Одессе, надо быть литератором", — переиначил её позже Юрий Олеша.

Может быть, действительно — для того чтобы стать писателем, нужно родиться в Одессе и... увлекаться футболом?